

**Ю. В. Красиков. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК
(НА МАТЕРИАЛЕ ОШИБОК НАБОРЩИКА). М., «Наука», 1980**

В современной науке немало исследований, посвященных всевозможным отклонениям в речевой деятельности: обмолвкам, опискам, ослышкам и т. п. Это труды психологов Х. Боудена, Г. Ваймера, Ф. Кайнца, А. Р. Лурия и др. Хорошо известно также, какое значение придавали изучению «отрицательного языкового материала» крупнейшие русские языковеды XX в. — И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский. Последний, в частности, писал, что совершенно случайные обмолвки открывают иной раз глубокие просветы в области физиологии и психологии речи. В последние два десятилетия, с тех пор как психолингвистика выделилась в отдельную отрасль знания, одной из наиболее актуальных задач этой научной дисциплины стало создание общей теории речевой деятельности.

Рецензируемая работа Ю. В. Красикова посвящена речевым ошибкам, совершаемым при воспроизводстве письменного текста. Теоретическая основа данного исследования базируется на концепции А. А. Леонтьева, практическая — представляет собой наблюдения над примерно пятью тысячами опечаток, обнаруженных в первой корректуре различных изданий. Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения.

Основополагающим для автора является тезис о том, что речевые ошибки — естественная и закономерная часть процесса порождения текста (и всей речевой деятельности в целом): «Существование в потенции до реализации в речи как положительных, так и отрицательных отклонений служит одним из источников движения, возникновения, т. е. порождения речи» (с. 98). Таким образом, именно системное исследование ошибок, по мысли автора, должно помочь глубже познать закономерности психической организации языкового механизма.

Изучение мотивов ошибок, условий, приводящих к их появлению, позволяет Ю. В. Красикову выделить отдельные уровни порождения текста, определенным образом соотносящиеся с уровнями языковой системы. А именно в пятой главе выделяются «по восходящей» уровни звуков, слов, оперативных («соотносимых в определенной степени с понятием синтагмы»), тематических и эмоциональных единиц. Классификация, на наш взгляд, представляется не вполне совершенной. Необоснованно, например, выделение уровня оперативных единиц; эмоциональные единицы вряд ли стоит рассматривать обособленно от тематических и т. д. Но важнее то, что автор доказывает принципиальное наличие таких уровней, равно как и их внутреннюю взаимосвязь. Специфика исследуемого материала позволяет ему подтвердить принципиально важный вывод о том, что при воспроизводстве текста (пересказе, перепечатке, наборе и т. п.) «абсолютный», копирующий поток сопровождается «теневым», субъективным. «Несмотря на отсутствие специальной установки на понимание текста, у реципиента при прохождении текста через его механизм порождения речевого высказывания обязательно формируется свое отношение к высказываемому. Воспринимаемое реципиентом неизбежно затрагивает те или иные субъективные ассоциативные комплексы, которые, будучи таким образом актуализованы, так или иначе проявляются в тексте. Этот процесс вытеснения тех или иных элементов авторского текста субъективными происходит в момент ослабления контроля за ходом процесса» (с. 101). Таким образом, человека, воспроизводящего текст (в данном случае наборщика), правомерно рассматривать в некотором смысле как соавтора данного текста.

К недостаткам рецензируемой работы можно отнести объединение автором фонетических и графических мотивов ошибок в исследуемом материале. Иногда такое объединение, правда, обоснованно: в отклонениях на письме отражаются закономерности устной речи (и тем самым звуковая материя языка лишняя раз подтверждает свою первичность). Но чаще такое смешение неоправданно, оно затуманивает суть дела.

В целом книга Ю. В. Красикова ценна как первый опыт теоретического обобщения речевых отклонений при воспроизводстве печатного текста, ориентирующий на дальнейшее исследование этой актуальной проблемы психологии и лингвистики.

Б. Ю. Норман